

Рукописная книга — одно из замечательных явлений нашего культурного наследия, обладающее многовековой историей и представляющее собой непреходящую художественную ценность. Изучение этих памятников, выдвинувшее вначале на первый план наиболее значительные произведения древней литературы и самые высокохудожественные образцы, с особым акцентом на древнейших списках, с каждым годом все более расширяется, меняя отчасти и точку зрения на них. С течением лет каждый письменный источник, даже наиболее скромный и, может быть, “типовой” для своего времени, приобретает значение как свидетель жизни наших предков, спутник в их трудах и размышлениях. Все шире привлекаются памятники, связанные со средой мелких клириков, ремесленников и крестьян, впоследствии — со школярами, словом — рукописи относительно позднего времени. Среди них следует выделить особый тип — певческие книги.

Н. ГЕРАСИМОВА-ПЕРСИДСКАЯ
«Украинский лицевой ирмологион
первой половины XVIII века»

УДК 783.2 «XVI–XVII»

Е. Ю. ШЕВЧУК

ЦИКЛЫ ЛИТУРГИИ В УКРАИНСКИХ ИРМОЛОГИОНАХ КОНЦА XVI — XVII ВЕКОВ С ПОЗИЦИЙ ТЕКСТОЛОГИИ

Аннотация. Циклы Литургии — важнейшей христианской службы, имеющейся в составе украинских Ирмологионов (сборников монодийных песнопений конца XVI–XVIII вв.), — характеризуются автором с позиций текстологии. Сопоставление разновременных экземпляров певческих книг разного территориального происхождения позволяет установить принципы фиксации литургийных циклов в Ир-

мологионах и особенности их состава. Различия в степени полноты содержания письменных версий Литургии сказываются в существовании двух ее редакций — краткой и расширенной. Расширенная, по сравнению с краткой, дополнена либо редко фиксируемыми песнопениями, либо дополнительными напевами на основные тексты краткой редакции. Часто встречаемые в Ирмологионах группы различных напевов на один текст подтверждают роль многораспевности (возможность исполнения одного гимнографического текста с разными церковными напевами) в формировании стилевого облика украинской церковно-монойной традиции конца XVI–XVIII веков. Редкая фиксация других литургийных песнопений (в том числе в единственной версии) доказывает их устное бытование.

Ключевые слова: литургия, певческий цикл, Ирмологион, редакция, киевский напев, болгарский напев, многораспевность.

На протяжении двух тысячелетий служба Божественной литургии сохраняет важнейшее сакральное значение для христиан. В восточнославянской традиции конца XV–XVI веков многие литургийные песнопения знаменного распева обновили мелодическое оформление и, кроме того, были дополнены иностилевыми напевами. Образцы украинского и белорусского церковно-монойного искусства конца XVI–XVII веков, записанные пятилинейной «киевской» нотацией, привлекали внимание практиков и ученых красотой и разнообразием мелоса, представляя все певческие стили того времени, известные в этих традициях. В силу того обстоятельства, что песнопения литургии и Всенощного бдения конца XVI–XVII столетий наилучшим образом презентуют *многораспевность* (возможность исполнения одного гимнографического текста с разными церковными напевами), некоторые исследования были посвящены именно этому явлению, чрезвычайно показательному для обиходного пения¹. Киевский², болгарский³, греческий⁴ и другие *напелы*⁵ (разные по происхождению и иногда по стилям группы мелодий) рассматривались музыковедами с точки зрения их типичных жанрово-стилевых примет⁶.

В наше время песнопения литургии привлекают внимание в свете

новых знаний о певческом искусстве. Источниковедческий ракурс углубляется благодаря текстологическому подходу: сопоставительное исследование сборников дает информацию о новых песнопениях — неизвестных прежде артефактах певческого искусства. Представляется необходимым уделить внимание некоторым аспектам источниковедения и текстологии литургийных циклов из украинских певческих сборников, связанных с возможностью их поиска, идентификации и реконструкции.

Материалом для исследования явилось примерно 600 украинских и белорусских нотолинейных Ирмологионов конца XVI–XIX веков, из которых была выделена треть сборников конца XVI–XVII веков, а из последних отобрано более сорока показательных кодексов. Ирмологион (в просторечии — Ирмолой), представляющий собой компендиум основных мелодических типов годового круга и соединяющий богослужебные циклы разного масштаба и содержания, рассматривался учеными со второй половины XIX века. Начиная с 1970-х гг. его исследования активизировали украинские музыковеды-медиевисты, в частности, Ю. П. Ясиновский⁷, А. В. Конотоп⁸,

музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования. М., 2008. С. 403–427. См. также примеч. 27.

² Шевчук Ол. Київський наспів у контексті церковно-монойного співу України та Білорусії XVII–XVIII ст. (джерела, жанри, риси стилістики): автореф. ... дис. канд. мистецтвознав. К., 1999. 20 с.

³ Болгарский распев рассмотрен в работах прот. И. Вознесенского, Л. Корний, О. Путятицкой, М. Лариной и некоторых других исследователей.

⁴ Греческий распев из украинских Ирмологионов изучали украинские медиевисты Г. Васильченко-Михно, А. Конотоп, Е. Игнатенко; греческий и болгарский — А. Цалай-Якименко, автор статьи.

⁵ В статье используем термин «напев» (напѣль), применяемый в украино-белорусских Ирмологионах с конца XVI века. В случае, если акцентируется принадлежность песнопений к певческим стилям разнонациональных традиций, используем также термин российской певческой практики «роспев», получивший в научных работах более обобщенное содержание (роспев как система напевов, как определенный стиль: знаменный роспев, греческий роспев и т. д.).

⁶ Цалай-Якименко О. Стилістичні наверстування в українському Ірмолої. *КАЛОФΩΝΙΑ: наук. зб. з історії церковної моной та гімнографії.* Львів, 2002. Чис. 1. С. 46–58.

¹ Фролов С. Многороспевность как типологическое свойство древнерусского певческого искусства. *Проблемы русской музыкальной текстологии.* Л., 1983. С. 12–47; Шевчук Е. Киевский напев в контексте многораспевности XVII в. *Традиционные*

историк Л. А. Дубровина⁹, автор данной статьи¹⁰. В статьях Н. А. Герасимовой-Персидской Ирмологион рассмотрен с нескольких позиций. Это и явление культуры своего времени¹¹, и единичный лицевой экземпляр со множеством бытовых рисунков¹², и сборник, включающий особый гимнографический текст византийского генеза¹³. Основная сфера научных открытий Н. А. Герасимовой-Персидской — партесное пение — также оказывается связанной с Ирмолом и развитием украинской монодии, поскольку ранние партесные произведения записывались в единичных сборниках именно этого типа¹⁴. По приведенному Ниной Александровной образцу становится очевидно, что четырехголосная партесная гармонизация херувимской песни составлена на «новый песенно-кантовый напев». Начиная со второй четверти XVII века, множество таких «куплетных херувимских» фиксировали в Ирмолах в качестве дополнения к основному традиционному репертуару¹⁵.

Чрезвычайно разнообразное певческое содержание рассматриваемых сборников, их составление на всей территории Украины и Беларуси, значительное время применения (более 300 лет), приверженность канонической традиции и, вместе с тем, умеренная открытость новым веяниям, неполная исследованность — все это делает Ирмологионы кладом сведений о певческой культуре Руси. «С течением лет каждый письменный источник, даже наиболее скромный и, может быть, “типовой” для своего времени, приобретает значение как свидетель жизни наших предков, спутник в их трудах и размышлениях»¹⁶. Основное предназначение Ирмоло-

гиона состоит в отражении разнообразных украино-белорусских местных традиций богослужебного пения (православной и греко-католической церквей), репертуара, развивающегося в соответствии с музыкально-эстетическими вкусами и предпочтениями; постоянного поиска переписчиками более точных принципов его нотолинейной фиксации.

Рассматривая возникновение Ирмолая в конце XVI века как один из итогов развития всего свода украинской и белорусской певческой книжности, следует отметить, что в ее истории были разработаны различные принципы отражения литургийного репертуара. Известно, что в книгах Киевской Руси эпохи Студийского Устава (и начала следующей, Иерусалимского Устава) фиксировались лишь основные песнопения литургии (например, в Кондакарях — причастные стихи; в Октоихах — блаженны, в безлинейных сборниках XVI в. — причастны и Херувимские (по примеру некоторых византийских книг) и др. То есть, для указанного времени типично включение единичных песнопений литургии в книги с песнопениями других жанров и циклов, что говорит об избирательной,

¹¹ Герасимова-Персидська Н. Львівський ірмологіон 1700 року як явище музичної культури. *КАЛОФΩΝΙΑ: наук. зб. з історії церковної монодії та гімнографії*. Львів, 2002. Чис. 1. С. 19–24.

¹² Герасимова-Персидская Н. Украинский лицевой ирмологион первой половины XVIII века. *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1984. Л., 1986. С. 254–261.*

¹³ Герасимова-Персидская Н. Об отражении «Повести о Варлааме и Иоасафе» в древнерусской музыке. *Труды Отдела древнерусской литературы*. Л., 1985. Т. XXXVIII: Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. С. 331–337.

¹⁴ Герасимова-Персидская Н. Партесный концерт в истории музыкальной культуры. М., 1983. С. 38–39.

¹⁵ Часть инципитов новых напевов см.: Шевчук Е. Об атрибуции песнопений киевского роспева в многороспевном контексте украинской певческой культуры XVII–XVIII вв. *Київське музикознавство*. К., 1998. С. 23.

¹⁶ Герасимова-Персидская Н. Украинский лицевой ирмологион первой половины XVIII века. *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1984. Л., 1986. С. 254.*

⁷ Ясинівський Ю. Українські та білоруські нотолінійні ірмолої XVI–XVIII століть: Каталог і кодикологічно-палеографічне дослідження. Львів, 1996. 624 с.

⁸ Конотоп А. Супрасльський ірмологіон. *Советская музыка*. 1972. № 2. С. 117–121; Конотоп А. Супрасльський ірмологіон 1638–1639 гг. *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1980. Л., 1981. С. 233–240.*

⁹ Дубровіна Л. Кодикологічне дослідження та археографічний опис нотолінійних Ірмолоїв. *Корній Л., Дубровіна Л. Болгарський наспів з рукописних нотолінійних ірмолоїв України кінця XVI — XVII ст.* К., 1998. С. 18–38.

¹⁰ Шевчук Е. Ирмологион. *Православная энциклопедия*. Москва, 2011. Т. XXVI. С. 625–633, др.

доциклической фиксации репертуара важнейшей христианской службы. Это не случайно, поскольку многие века она бытовала в устном предании.

Принципы размещения литургийных циклов в Ирмологионе

Несмотря на текстологические расхождения между различными экземплярами, Ирмолой предстает в конце XVI — начале XVII века в целом сформированным в структурном плане: в него входит несколько (чаще 4–6) разделов, необходимых для разных служебных и жанровых циклов: Обихода, Октоиха, стихир подобных, праздничной Минеи и Триоди. Важнейшая служба христиан представлена в двух разделах Ирмолая: первом — обиходном (для еженедельного приходского и ежедневного монастырского служения литургий на протяжении года) и заключительном — триодном (для времени Великого поста), расположенном внутри годового круга Минеи¹⁷.

Ключевая роль обиходных служб показательно выявлена в большинстве Ирмолов в расположении всенощного бдения и литургии свт. Иоанна Златоуста (Л.И.З.) в начале сборника¹⁸. Обращает на себя внимание различное художественное оформление текстов этих служб. Сборник открывается всенощной, первая страница которой украшена заставкой и инициалом и всегда выглядит нарядно (*иллюстрация 1*), тогда как Л.И.З., следуя сразу за всенощной, предваряется лишь скромным заголовком мелкой вязью (*иллюстрация 2*). Литургия почти никогда не сопровождалась в рядовом Ирмолове заставкой, несмотря на первостепенную значимость ее содержания, поэтому в некоторых сборниках переход от всенощной к подразделу литургии почти незаметен. Отсутствие между этими службами границы, четко маркированной с помощью художественного оформления, зрительно

«маскирует» начало важнейшей христианской службы, одновременно предполагая тесную смысловую и интонационную связь всенощной и литургии в монодийном цикле.

Размещение этих служб в начале Ирмолая имело как позитивные, так и негативные стороны для сохранности их текстов. Из-за частого применения в богослужении (высокой частотности суточного цикла), а также обращения к Ирмолою как учебной книге его начальные листы быстро ветшали и обрывались. Поэтому во многих сборниках текст начала книги поврежден, загрязнен или вообще отсутствует. Это негативно сказывается на возможностях текстологического исследования обиходных текстов. Единичные экземпляры книг дополнялись позднейшими приписками с текстами песнопений, отсутствующих в первой части. По причине потребности в записи литургии они могли быть вписаны в середине книги на любых свободных строках (чаще между разделами / подразделами, в их завершении).

Говоря о литургии Преждеосвященных Даров (Л.П.Д.) и свт. Василия Великого (Л.В.В.), исполняющихся во время Великого поста (и некоторые другие дни), следует отметить, что в Ирмологионе их расположение принципиально отличается от Служебника и нотного Обихода. В последних три цикла литургии следуют подряд, тогда как в Ирмолове Л.П.Д. и Л.В.В. «отделены» от литургии свт. Иоанна Златоуста и «перенесены» в последний, четвертый раздел, где образуют отдельный блок песнопений Постного Обихода в соседстве с циклом Триоди. Их обрамляет годовой цикл праздничной Минеи, разделенный надвое и расположенный «вокруг» триодной зоны. Такое распределение циклов Литургии по разным частям Ирмолая является стабильной особенностью композиции большинства сборников.

Таким образом, в сопоставлении со Служебниками и нотированными Обиходами Московии украинно-белорусские Ирмолои демонстрируют оригинальные принципы фиксации циклов великопостных литургий, которые основывались на практическом предназначении этих сборников и исходили из удобства пользования ими. Принадлежность Л.П.Д. и Л.В.В. к великопостному кругу обуславливала их размещение в «дальнем» разделе Ирмолая, в который заглядывали гораздо реже, чем в его начало. Следовательно, и степень сохранности текстов Л.П.Д. и Л.В.В., по сравнению с Л.И.З., значительно выше, что обеспечивает более широкие возможности их текстологического исследования.

¹⁷ В Ирмологионах конца XVI — первой половины XVII в. так называемой жанровой структуры (с выраженным делением на жанровые группы и циклы песнопений) обиходный раздел иногда размещался в середине сборника. См.: Ясиновський Ю. Український нотолінійний ірмолой як тип гімнографічного збірника: зміст, структура. *Записки НТШ імені Т. Шевченка*. Львів, 1993. Т. 226. С. 50.

¹⁸ Эта особенность стандартного Ирмолая дает возможность провести аналогию между ним и другими книгами — Служебником и российским нотированным Обиходом, где указанные службы расположены сходным образом.

Состав Ирмолоев характеризуется как чертами стабильности, так и изменяемостью от экземпляра к экземпляру, а также устойчивыми алгоритмами «передвижения» песнопений некоторых жанров внутри сборника. Определенная свобода переписчика состояла в возможности «переносить» песнопения Л.В.В. и Л.П.Д. в начальную часть сборника. В ряде Ирмолоев они выписаны после Л.И.З. (или на расстоянии от нее). В этом случае песнопения Простого и Постного Обихода излагаются в первом разделе последовательно, что отражает тенденцию к составлению «Обихода полного» (но важно, что при этом его редакция в Ирмологионе всегда являлась краткой).

Степень полноты состава литургийных циклов

Последние представлены в большинстве Ирмологионов *краткими редакциями*, включающими только основные песнопения. Обычный состав литургии свт. Иоанна Златоустого таков: припевы ектений, «Иже херувимы», «Отца и Сына», песнопения анафоры, «Единъ Святъ», «Хвалите Господа со небесъ».

Литургия Преждеосвященных Даров: «Да ся исправитьъ» на вечерни, «Нынѣ силы небесныя», два киноника: «Вкусите и видите», «Благословлю Господа».

Литургия свт. Василия Великого: анафора (болгарского напева), «О Тебѣ радуется», «Вечери Твоеи таиней» Великого Четверга, «Да молчит всяка плоть чловѣча» Великой Субботы¹⁹.

Исследователям, имеющим доступ к малому числу Ирмологионов, литургийные циклы знакомы именно в таком виде, тогда как другие, редко фиксируемые песнопения литургии остаются для большинства интересующихся неизвестными. Первым отметил краткость обиходной части Ирмолоев прот. И. Вознесенский, скрупулезно перечисливший все песнопения всенощной и литургии, отсутствующие в просмотренных им сборниках: «В рассматриваемых нами южнорусских ирмологах вовсе не распеты, например, следующие песнопения, имеющиеся в Синодальном Обиходе: <...> Из Литургии св. Иоанна Златоустаго и Василия Великаго: псалом “Благослови душе моя Господа”, “Единородный Сыне”, “Придите, поклонимся”,

¹⁹ Песнопения Л.В.В. и Л.П.Д., отсутствующие в Ирмологионах, могли быть идентичны таковым в Л.И.З.

“Трисвятое”, “Достойно” на литургии Василия Великого, задостойники, пение по освящении Св. Даров и другие песнопения до конца Литургии»²⁰.

Исходя из местоположения песнопений, отсутствующих в службе, можно заключить, что купюры делались в записи на разных уровнях структуры целого: всего цикла, его частей и отдельных песнопений. В преобладающем большинстве сборников нет литургии оглашенных (кроме припевов *ектений* и, иногда, гимна «Единородный Сыне» и «Блаженных»). В литургии верных часто отсутствуют песнопения «Достойно есть», «Да исполнятся уста наша», «Буди имя Господне», многолетие и другие. Если в Ирмолое имеется Литургия верных свт. Василия Великого болгарского напева (хоровые строки анафоры) с характерной повторно-строфической («куплетной») формой, ее запись может быть представлена только первой строкой на основной «мелодический период», согласно определению прот. И. Вознесенского²¹ («Милость мира» или «Имамы ко Господу»). Переписчики иногда комментировали повторность мелостроф («Сим гласом поем и Един с[вя]тъ и аминь»²²).

Показательный пример сокращения на уровне композиции песнопений — Херувимские песни новой традиции (XVII века), обычно размещенные в расширенной редакции цикла (в дополнение к традиционной херувимской). Они имеют повторно-строфическую («куплетную») форму и поэтому записаны чаще всего только с начальным колоном текста «Иже херувимы» с первой мелодической строкой (то есть, это вид сокращения, идентичный предыдущему, Л.В.В.).

Определив целью реконструкцию циклов литургии, следовало по воз-

²⁰ Вознесенский И., прот. Церковное пение Православной Юго-Западной Руси по нотной-линейным ирмологам XVII и XVIII веков. М., 1898. С. 8, 9; Шевчук Е. Протоиерей Иоанн Вознесенский о репертуаре украинских нотополитических Ирмологионов XVII — начала XVIII вв. (современный комментарий). *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. V: Музыкальное искусство христианского мира*. М., 2007. Вып. 1(3). С. 108–109.

²¹ Вознесенский И., прот. Осмогласные роспевы трех последних веков Православной Русской Церкви. К., 1891. Вып. 2: Болгарский распев или напевы на «Бог Господь» Юго-Западной Православной Церкви (техническое построение). С. 21.

²² Сербская АН. Ркп. 64. 1674 г.

возможности определить их более полный состав, восполнить все виды купюр, «отыскать» редко записываемые песнопения; циклы с точным изложением и определением ектений; письменные версии «куплетных» херувимских песней в полной записи; свод напевов, предназначенных для ключевых текстов. Сокращения, типичные для записи литургии в украино-белорусской традиции, определяются при сопоставлении с книгами более полного состава — Обиходом и Служебником, а также с Ирмолоями, содержащими расширенные редакции циклов.

В ходе текстологического изучения в значительном числе сборников выявлены циклы, изложенные более подробно. Установлено, что *расширение* краткой редакции литургии происходило двояко. Уже с конца XVI в. некоторые тексты песнопений краткого состава службы представлены дополнительными *мелодическими версиями*. В этом случае литургия оставалась краткой по количеству единиц цикла, но обеспечивалась разнообразными напевами, предназначенными для трех видов литургий разной степени торжественности. Кроме того, с того же времени (но в меньшем числе сборников) отмечена фиксация *песнопений*, не вошедших в краткую редакцию. Исходя из этого, различаем, условно, *певчески расширенную* и *текстово расширенную* редакции цикла.

Динамика изменения состава циклов завуалирована и однозначно не определяется, поскольку указанные редакции существовали в одновременности. В первых же сохранившихся Ирмолоях конца XVI — начала XVII века, особенно монастырского происхождения, сложилась наиболее типичная — *краткая редакция литургии с певческим расширением*, т. е. многораспевными группами Херувимских песней, причастных стихов и ряда других текстов. На протяжении XVII–XVIII веков она доминирует. Однако в рядовых Ирмологиях (предназначенных для приходских церквей) продолжают превалировать циклы краткого состава.

Со второй четверти XVII до середины XVIII века *расширенные* редакции (с записью единичных песнопений литургии оглашенных и завершения литургии верных) встречаются в западноукраинских Ирмологиях. Во многих Ирмолоях отмечено расширение цикла литургии по смешанному типу: помещены и редко записываемые тексты (песнопения), и дополнительные напевы. На Левобережной Украине, в Киеве, а также в сборниках, составленных украинцами и белорусами в Московии в конце

XVII — XVIII веке, степень детализации в записи службы возрастает. Это может быть объяснено влиянием российской церковно-певческой книжности, в которой всегда проявлялась склонность к скрупулезному отражению репертуара.

Более полный состав Л.И.З. типичен для самых поздних (середины XIX в.) Ирмологионов, составленных в Киево-Печерской лавре²³. Однако, они являются скорее исключительным явлением в украинской певческой книжности, подтверждающим то правило, что типичной для Ирмолов остается краткая редакция литургийного цикла с расширением певческой компоненты (с многораспевными группами песнопений).

Вид литургийного цикла и певческий стиль (распев)

Певческий облик краткого состава службы, известный по отечественным рукописям XVII–XVIII веков, сформировался в XVI веке в русле *знаменного пения*, представляющего основной восточнославянский певческий стиль. Мнение о высокой степени традиционности песнопений Ирмолая (это «южнорусская редакция знаменного распева»²⁴) высказал прот. И. Вознесенский. Начиная со второй четверти XVII в. Л.И.З. краткой редакции часто названа «Литургією напѣлу кїевського», но важно, что между последней и ненаименованными (или иначе атрибутированными) циклами может не быть принципиальных различий. Украинские песнопения на один текст, представляя собой варианты и близкие редакции, различаются деталями, но при этом всегда узнаваемы, поскольку опираются на устойчивые мелодические типы²⁵.

Краткая редакция киевской (бывшей знаменной) литургии включает мелодически развитые песнопения — собственно мелизматического (херувимская, киноник) и смешанного силлабо-невматико-мелизматического склада (анафора, припевы ектений). Это наиболее поздний, интонационно богатый стилевой слой знаменного распева, который сложился в XVI веке как резуль-

²³ Остаются неисследованными.

²⁴ Вознесенский И., прот. Церковное пение Православной Юго-Западной Руси по нотно-линейным ирмологам XVII и XVIII веков. М., 1898. С. 15, 53.

²⁵ Существуют и песнопения отдаленных украинских и белорусских редакций, представляющие многораспевность территориального вида.

тат проведения богослужебно-певческой реформы XV века. Именно сложность мелодики и прихотливость ритмики отмеченных песнопений потребовала установления их письменной фиксации. В этих песнопениях слышны интонации и мелодические обороты, характерные для знаменного Октоиха (осмогласных попевок, лиц и фит) и собственно Обихода.

В расширенной редакции цикла XVII века, помимо распевных образцов, увеличено число песнопений *силлабического склада*, что дает более глубокое представление о полноте видов мелодики знаменного пения. Появляются мелодически несложные образцы знаменного генезиса (одна версия Изобразительных антифонов, блаженны, «Единородный Сыне», две версии «Достойно есть» и некоторые другие). Простота редко фиксируемых в Украине и Беларуси образцов, исполняемых преимущественно по памяти, связана с бесписьменным преданием. Они представляют собой интонационно разные формы силлабического пения: литургический речитатив, простейшую псалмодию, более рельефные силлабические напевы (с краткими невматическими вкраплениями) с формульным ритмом.

Ряд малоизвестных силлабических песнопений имеет не знаменную мелодику (другая версия Изобразительных антифонов, «Отче наш», «Утверди, Боже», «Да исполнятся уста» и некоторые другие). Их происхождение в данное время неизвестно и предполагается гипотетически (это задача будущих исследований).

Степень устойчивости редко фиксируемых силлабических напевов в XVII веке поддается определению гораздо сложнее, чем динамика изменения распевных. Наиболее проблематична атрибуция образцов, известных сегодня в *единственном списке* (некоторые примеры: «Достойно есть» из т. н. Львовского Ирмологиона начала XVII в.²⁶; поздняя силлабическая версия «Αὔτος ο Θεός»: *иллюстрация* 3). С одной стороны, единичные образцы дают представление о напеве, узко локализованном по времени и территории, с другой, не исключено, что это устойчивый, известный

²⁶ Львовская национальная научная библиотека. Ф. III. № 50. Л. 119–119 об. Факсимиле опубликовано: Jasnovskyj J., Lutzka K. Das Lemberger Irmologion: Die älteste liturgische Musikhandschrift mit Fünfliniennotation aus dem Ende des 16. Jahrhunderts. Köln, Weimar, Wien, 2008. S. 239–240.

в свое время мелотип (его стабильность может доказываться косвенными факторами или предполагаться гипотетически).

Для песнопений, насчитывающих *по два-три списка*, важен фактор временного расстояния (дистанции) между версиями. Важна также степень их родства. Если песнопение внезапно «всплывает» в текстах через несколько десятилетий после его первой записи, этим доказывается его долгая известность и традиционность (например, «Единородный Сыне» из Киевской литургии второй четверти и конца XVII в.: *иллюстрации* 5, 6).

Хотя из-за устного бытования силлабических напевов определить время и место их происхождения сложно, велика вероятность того, что они гораздо древнее пореформенной мелизматики, сформировавшейся в XVI веке. В любом случае, время их возникновения может значительно опережать момент первой (известной сегодня) фиксации. В этом случае представляется справедливым соответствие «чем проще, тем древнее».

Певчески расширенная редакция литургии может включать напевы инонационального происхождения (от силлабики до мелизматики), ярко демонстрирующие расцвет многороспевности в обиходном пении, начиная с XVI века. В состав литургии краткого состава часто включались дополнительные напевы на тексты херувимской песни или причастных стихов. Текст херувимской имеет наибольшее число напевов (в XVII — начале XIX в. — более полусотни²⁷). Это украинские и белорусские (местные, монастырские), старые и современные болгарские и греческие²⁸ (условно — «новогреческие», «новоболгарские»), а также вышеупомянутые «песенные» херувимские новой традиции, обычно записанные в виде первой строки. Более детальная запись таких «куплетных» херувимских (запись всех строк

²⁷ Названия херувимских см.: Шевчук Е. Об атрибуции песнопений киевского роспева в многороспевном контексте украинской певческой культуры XVII–XVIII вв. *Гимнология: Материалы межд. науч. конф. «Памяти протоиерея Димитрия Разумовского»*. М., 2000. Вып. 1. С. 374–375. Часть нотных инципитов см.: Шевчук Е. Об атрибуции песнопений киевского роспева в многороспевном контексте украинской певческой культуры XVII–XVIII вв. *Київське музикознавство: зб. ст.* К., 1998. С. 21–23.

²⁸ Шевчук Е. Греческий распев. *Православная энциклопедия*. М., 2006. Т. XII. С. 430–436.

подряд или «в столбик» под одной мелострокой) вносит ясность в представление о слоговом распеве вербального текста (*иллюстрация 4*).

Особое певческое оформление Л.В.В. в украино-белорусской традиции состоит в том, что она содержит мелизматические песнопения двух распевов-стилей: украино-белорусского (прежнего знаменного пения) и болгарского. Анафора Л.В.В. составляет отдельный служебно-певческий подцикл с атрибуцией «Литургия напѣлу болгарского»²⁹. Уже было отмечено, что ее хоровые строки составляют «куплетную» — повторно-строфическую форму. В ряде списков изложение детализировано и мелострофа повторена в записи 12–15 и более раз³⁰. Анафора Л.В.В. болгарского напева получила широкую известность, в том числе в России: она зафиксирована в московском Синодальном Обиходе 1772 г. (без атрибуции).

Болгарские херувимские и киновии, имеющие своеобразные напевы, в записи встречаются нечасто и, в случае отсутствия ремарки, могут быть опознаны по особой мелодике. Расширение цикла болгарской литургии заключается и в добавлении песнопений силлабического склада («Блаженны» и др.), и в обогащении родственными напевами-спутниками — сербскими³¹ или греческими. Задостойник «О Тебе радуется», изредка с надписанием «болгарское», чаще атрибутируется как «киевский» или «острожский» (хотя родство редакций напевов не исключает возможности их болгарского генезиса).

Принципы составления расширенной редакции циклов литургии

Богослужение представляет собой четко определенный порядок молитвословий и песнопений, однако запись службы в Ирмолых следует ему

²⁹ Это определение часто отсутствует.

³⁰ Такая версия цикла издана. См.: Корній Л., Дубровіна Л. Болгарський наспів з рукописних нотолінійних ірмолів України кінця XVI–XVII ст. К., 1998. С. 41–44.

³¹ Шевчук Ол. Сербські і болгарські редакції південнослов'янських піснеспівів в українській і білоруській церковно-співацькій практиці XVII ст. *Науковий вісник Національної музичної академії України ім. П. І. Чайковського*. К., 2008. Вип. 78. С. 105–125; Шевчук Е. Сербский напев в контексте южнославянского влияния (по материалам украинских и белорусских Ирмологий XVII в.). *Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета*. М., 2008. Вып. 2(4). С. 23–54.

не всегда. В принципах нотации проявляются разные установки. Некую точку отсчета можно определить путем сопоставительного анализа, обратившись к российским нотированным Обиходам XVII–XVIII веков (и крюковым, и нотолинейным). В них неукоснительно соблюден ход богослужения, в который вписаны «блоки» песнопений одной жанровой группы, а каждый гимнографический текст может быть изложен несколько раз подряд с различными мелодиями, образуя «многораспевную группу». Такие «гроздьи» напевов (на тексты «Единородный Сыне», «Иже херувимы», «Достойно есть», задостойников, причастны и др.) рассредоточены в службе строго по порядку. Каждая группа может продемонстрировать не только варианты и редакции знаменного мелотипа, но и песнопения других певческих стилей, смешение которых в такой форме изложения представлялось в российской книге само собой разумеющимся.

В украинских Ирмолах принцип расстановки «многораспевных групп» по ходу службы также применялся, но в меньшей степени³². (Так, задостойник Л.В.В. «О Тебе радуется» часто предстает в соседстве киевской и острожской версий напевов.) Однако идеей составления многораспевных групп при записи литургии украинские скрипторы руководствовались не всегда. Для некоторых важнее было точно изложить цикл краткой редакции (киевского или родственного безымянного традиционного украинского напева), сохранив единство ее певческого стиля. Поэтому краткие циклы выглядят одинаково, тогда как расширенные — очень разнообразно, в зависимости от того, какое место занимают в службе прибавляемые песнопения и какие функции и певческие стили они представляют.

Структуру краткой редакции (литургии верных) лучше всего удастся сохранить в виде «сердцевины» расширенного изложения, если вводятся

³² Он наглядно продемонстрирован в записи всенощного бдения, где псалом «Блажен муж» часто представлен двумя редакциями (киевской и острожской), а псалом-припев «Бог Господь» — двумя-тремя с разной атрибуцией. Напевы на текст «Бог Господь» разной степени сложности выписаны «микроциклами» подряд или чередуясь в каждом гласе, образуя краткий «осмогласник». См.: Шевчук Е. Киевский напев в контексте многораспевности XVII в. *Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования*. М., 2008. С. 405.

песнопения, «окружающие» ее — из литургии оглашенных и завершения литургии верных. Так, в Ирмолое прот. Захария Брусленовского 1631 года видим перед припевами ектений и Херувимской песнью псалмовую строку изобразительного антифона и тропарь «Единородный Сыне»³³; в западно-украинском сборнике 1670 г. в завершении цикла добавлены киноник среды (рядом с основным воскресным) и похвальная песнь после причастия «Да исполнятся уста наша». (Последний образец не относится к традиционному украинскому напеву, но именно его редакции и варианты время от времени дополняют традиционный певческий цикл литургии.)

По-разному решалась проблема размещения похвальной песни Пресвятой Богородице «Достойно есть», отсутствующей в краткой редакции. Украинский напев на данный текст в XVII веке почти не был известен (за исключением двух узколокальных версий) — в отличие от болгарского, зафиксированного во многих редакциях и вариантах. В некоторых случаях «Достойно» *болгарское* включали в краткую киевскую службу³⁴, в других — все же стремились оставить краткий цикл без инонациональных «вставок» и вписывали инонациональный напев за пределами цикла. Отсутствующее в краткой редакции «Трисвятое» могли заместить греческими версиями «Агиос» (силлабическими и мелизматическими) — не внутри киевского цикла и не в дополнение к нему, а в некотором отдалении³⁵ или завершении обиходного раздела³⁶; эта же тенденция сохранилась в западноукраинских Ирмологиях и в XVIII веке.

Впечатляет осведомленность в певческих стилях составителей Ирмолая последней четверти XVII века (вероятно, киевского)³⁷ — с чрезвычайно богатым певческим содержанием и неоднозначными принципами составления. *Литóргiа напѣлу кiєвського* (с включением печерской версии песнопений анафоры) включает соответствующий задостойник «О Тебе радуется», тогда как следующая далее *лѣторгiа болгарская* содержит, кроме хоровых строк анафоры, три песнопения: «О Тебе радуется» *острозкое* (очевидно, этот напев,

с точки зрения переписчиков, не противоречил болгарскому мелизматическому стилю), «Достойно есть» *болгарское* (именно в таком порядке: задостойник и «Достойно») и «Да исполнятся уста наша» (без ремарок). Единственным нарушением точной стилиевой дифференциации двух разнонациональных певческих циклов является отсутствие в болгарской литургии воскресного причастного «Хвалите Господа с небес» и сложно объяснимое «перемещение» его болгарской версии в предыдущий цикл — киевского напева, где он образует «двураспевную» группу с киевской (или печерской) версией этого причастного. Причину перемещения можно усмотреть в смысловом акценте на функциональной универсальности обоих распевов. Если киевская и болгарская литургии обычно сопологаются в Ирмологиях как Л.И.З. и Л.В.В., то в данном кодексе таких указаний нет, иначе размещение задостойника в обоих циклах (а «Достойно есть» — в ЛВВ) не было бы оправдано. Возможно, это свидетельство того факта, что каждая из Литургий могла исполняться и киевским, и болгарским напевами.

Наследуя разные исторические и региональные традиции, переписчики Ирмологионов руководствовались при компоновке циклов расширенной редакции литургии различной мотивацией. Они изобретательно предлагали разные композиционные решения при изложении цикла, примеры которых можно продолжить. (Напомним при этом, что последование богослужения было неизменным.)

При любой степени расширения цикла литургии ни в одном украинско-белорусском Ирмолое XVII века до настоящего времени не встречено исчерпывающе полное его изложение (например, аналогичное версии в российском Обиходе пространной редакции). Причина, обусловившая относительную краткость Ирмолая и его подразделов — это сила *устной певческой традиции* в Южной Руси. Циклы литургий («киевская», «болгарская», «греческая») зафиксированы в «рассредоточенном» виде и «собраны» автором по материалам нескольких десятков показательных кодексов.

Каждое обнаруженное дополнительное песнопение расширенной редакции цикла имеет особую ценность. Если многораспевность обогащает представление о национальных и местных традициях XVI–XVII веков, то фиксация редких силлабических и силлабо-невматических песнопений восполняет сведения об историческом становлении украинского литургийного канона, что в настоящий момент даже более ценно, чем демонстрация многораспевности.

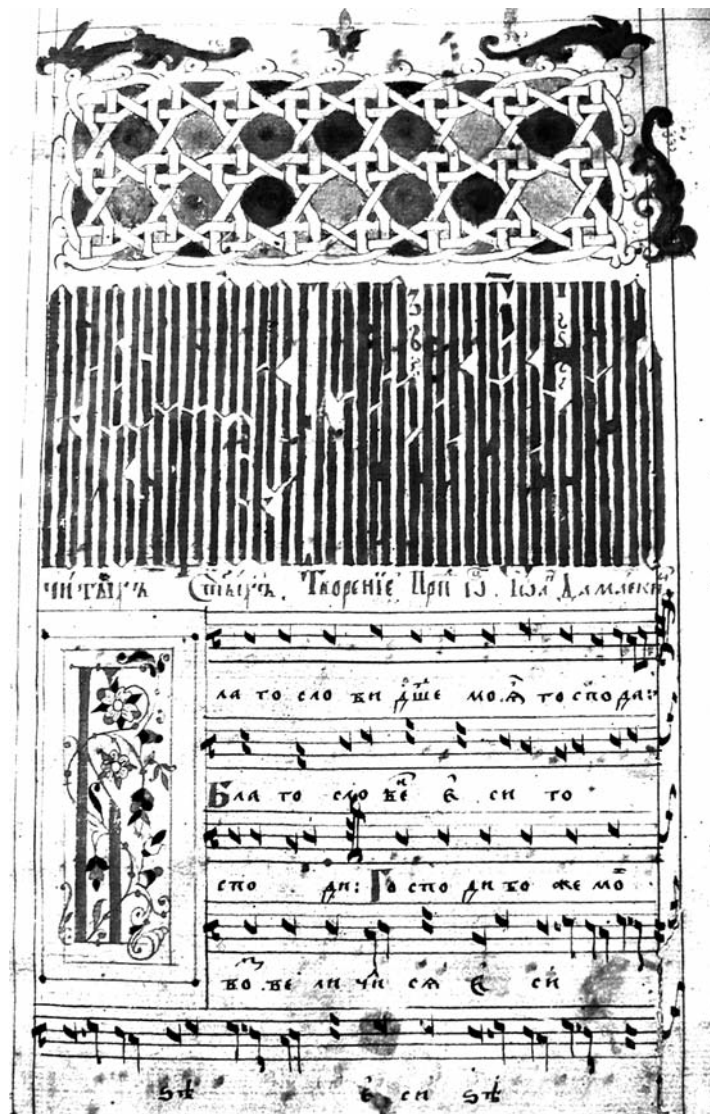
³³ Biblioteka Narodowa (Варшава). F. Akcesja. № 2932.

³⁴ Biblioteka Narodowa (Варшава). F. Akcesja. № 2604.

³⁵ Biblioteka Narodowa (Варшава). F. Akcesja. № 2617.

³⁶ Biblioteka Narodowa (Варшава). F. Akcesja. № 2556.

³⁷ РГБ (Москва). Ф. 218. № 1659.

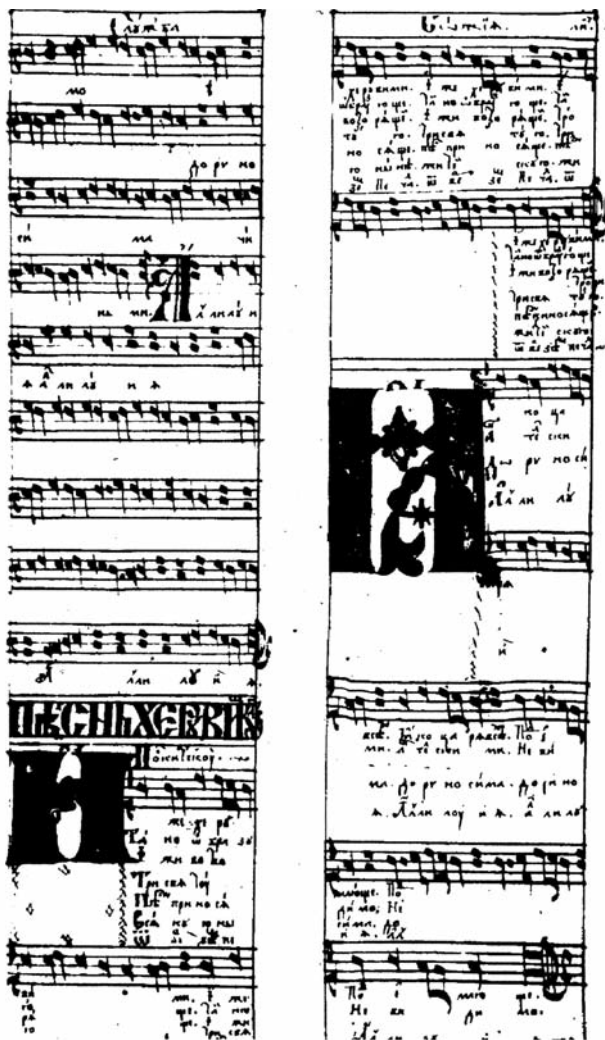
Илл. 1
Начало типового Ирмологиона: Всенощное бдение.
Межигорский монастырь (Киевщина). 1640-е гг. —
Национальная библиотека Украины
имени В. И. Вернадского (Киев). Ф. VIII. № 20

Илл. 2
Начало цикла Литургии свт. Иоанна Златоустого. — Там же.

Илл. 3
«Αγιος ο Θεος» (силлабо-невматическая версия)
Западноукраинский ирмологион («Чоловицький»). Начало XVIII в. —
Biblioteka Narodowa (Warszawa). F. Akcesja. № 2687

Илл. 4

Херувимская песнь «по скитску» повторно-строфической структуры. Ирмолой с Левобережной Украины. 1654–1657 гг. — Российская государственная библиотека (Москва). Ф. Д. В. Разумовского (372). № 90. Иллюстрация опубликована: Ясиновський Ю. Українські та білоруські нотолінійні ірмолії XVI–XVIII століть: Каталог і кодикологічно-палеографічне дослідження. Львів, 1996. С. 597.

Илл. 5

«Единородный Сыне». Первая силлабическая версия. Западноукраинский Ирмологион («Верхратський»). Вторая четверть XVII в. — Biblioteka Narodowa (Warszawa). F. Akcesja. № 2616

Илл. 6

«Единородный Сыне». Вторая силлабическая версия. Белорусский Ирмологион, составленный в Москве. 1670-е гг. — Государственный исторический музей (Москва), Синод. певч. собр. № 890

Литература

1. Вознесенский И., прот. Осмогласные роспевы трех последних веков Православной Русской Церкви. К., 1891. Вып. 2: Болгарский распев или напевы на «Бог Господь» Юго-Западной Православной Церкви (техническое построение). 96 с.
2. Вознесенский И., прот. Церковное пение Православной Юго-Западной Руси по нотно-линейным ирмологам XVII и XVIII веков. М., 1898. 70 с.
3. Герасимова-Персидская Н. Об отражении «Повести о Варлааме и Иоасафе» в древнерусской музыке. *Труды Отдела древнерусской литературы*. Л., 1985. Т. XXXVIII: Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. С. 331–337.
4. Герасимова-Персидская Н. Партесный концерт в истории музыкальной культуры. М., 1983. 288 с.
5. Герасимова-Персидская Н. Украинский лицевой ирмологион первой половины XVIII века. *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник*. 1984. Л., 1986. С. 254–261.
6. Герасимова-Персидська Н. Львівський ірмологіон 1700 року як явище музичної культури. *КАЛОФΩΝΙΑ: наук. зб. з історії церковної монодії та гімнографії*. Львів, 2002. Число 1. С. 19–24.
7. Дубровіна Л. Кодикологічне дослідження та археографічний опис нотолінійних Ірмолоїв. *Корній Л., Дубровіна Л. Болгарський наспів з рукописних нотолінійних ірмолоїв України кінця XVI — XVII ст.* К., 1998. С. 18–38.
8. Конотоп А. Супрасльський ірмологион 1638–1639 гг. *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник*. 1980. Л., 1981. С. 233–240.
9. Конотоп А. Супрасльський ірмологион. *Советская музыка*. 1972. № 2. С. 117–121.
10. Корній Л., Дубровіна Л. Болгарський наспів з рукописних нотолінійних ірмолоїв України кінця XVI — XVII ст. К., 1998. 324 с.
11. Фролов С. Многогласность как типологическое свойство древнерусского певческого искусства. *Проблемы русской музыкальной текстологии*. Л., 1983. С. 12–47.
12. Цалай-Якименко О. Стилістичні наверстування в українському Ірмолої. *КАЛОФΩΝΙΑ: наук. зб. з історії церковної монодії та гімнографії*. Львів, 2002. Ч. 1. С. 46–58.
13. Шевчук Е. Греческий распев. *Православная энциклопедия*. М., 2006. Т. XII. С. 430–436.
14. Шевчук Е. Ирмологион. *Православная энциклопедия*. М., 2011. Т. XXVI. С. 625–633.
15. Шевчук Е. Киевский напев в контексте многогласности XVII в. *Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования*. М., 2008. С. 403–427.

16. Шевчук Е. Об атрибуции песнопений киевского роспева в многогласном контексте украинской певческой культуры XVII–XVIII вв. *Гимнология: Материалы Международной научной конференции «Памяти протоиерея Димитрия Разумовского»*. М., 2000. Вып. 1. С. 367–376.

17. Шевчук Е. Об атрибуции песнопений киевского роспева в многогласном контексте украинской певческой культуры XVII–XVIII вв. *Київське музикознавство*. К., 1998. Вип. 1. С. 14–27.

18. Шевчук Е. Протоиерей Иоанн Вознесенский о репертуаре украинских нотолінійних Ирмологионов XVII — начала XVIII вв. (современный комментарий). *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. V: Музыкальное искусство христианского мира*. М., 2007. Вып. 1(3). С. 105–120.

19. Шевчук Е. Сербский напев в контексте южнославянского влияния (по материалам украинских и белорусских Ирмологионов XVII в.). *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. V: Музыкальное искусство христианского мира*. М., 2008. Вып. 2(4). С. 23–54.

20. Шевчук О. Київський наспів у контексті церковно-монодичного співу України та Білорусії XVII–XVIII ст. (джерела, жанри, риси стилістики): автореф. дис. ... канд. мистецтвознав. К., 1999. 20 с.

21. Шевчук Ол. Сербські і болгарські редакції південнослов'янських піснеспівів в українській і білоруській церковно-співацькій практиці XVII ст. *Науковий вісник Національної музичної академії України ім. П. І. Чайковського*. К., 2008. Вип. 78: Мистецтвознавчі пошуки: зб. наук. ст. та есе, присвячений ювілею Н. О. Герасимової-Персидської. С. 105–125.

22. Ясиновський Ю. Український нотолінійний ірмолой як тип гімнографічного збірника: зміст, структура. *Записки Наукового Товариства імені Т. Шевченка*. Львів, 1993. Т. 226. С. 41–56.

23. Ясиновський Ю. Українські та білоруські нотолінійні ірмолої XVI–XVIII століть: Каталог і кодикологічно-палеографічне дослідження. Львів, 1996. 624 с.

24. Jasinovskij J., Lutzka K. Das Lemberger Irmo-logion: Die älteste liturgische Musikhandschrift mit Fünfliniennotation aus dem Ende des 16. Jahrhunderts. Köln, Weimar, Wien, 2008. XVI + 510 s.

References

1. Voznesenskiy I., prot. Osmoglasnyie rospevyi treh poslednih vekov Pravoslavnoy Russkoy Tserkvi [Eight-Mode Chants of the Last Three Centuries of the Orthodox Russian

Church]. Kyiv, 1891. V. 2: Bolgarskiy raspev ili napevyi na «Bog Gospod» Yugo-Zapadnoy Pravoslavnoy Tserkvi (tehnicheskoe postroenie) [Issue 2: Bulgarian Chant or runes for «God the Lord» of the South-Western Orthodox Church (Technical Construction)]. 96 s.

2. Voznesenskiy I., prot. Tserkovnoe penie Pravoslavnoy Yugo-Zapadnoy Rusi po notno-lineynim irmologam XVII i XVIII vekov [Church Singing of Orthodox South-Western Rus' According to the Note-lined Heirmologia of the 17th and 18th Centuries]. Moscow, 1898. 70 s.

3. Gerasymova-Persydska N. Ob otrazhenii Povesti o Varlaame i Ioasafe v drevnerusskoy muzyke [On the Reflection of «The Tale about Varlaam and Joasaph» in early Russian music]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury [Proceedings of the Department of early Russian Literature]*. Leningrad, 1985. Vol. XXXVIII. S. 331–337.

4. Gerasymova-Persydska N. Partesnyi kontsert v istorii muzyikalnoy kultury [Part-Singing Concerto in the History of Musical Culture]. Moscow, 1983. 288 s.

5. Gerasymova-Persydska N. Ukrainskiy litsevoy irmologion pervoy poloviny XVIII veka [Ukrainian facial Heirmologion of the 1st half of the 18th century]. *Pamyatniki kulturyi. Novyye otkryitiya. Pismennost. Iskusstvo. Arheologiya. Ezhegodnik. 1984 [Monuments of Culture. New Discoveries. Writing. Art. Archeology. Yearbook. 1984]*. Leningrad, 1986. S. 254–261.

6. Gerasymova-Persydska N. L'vivs'kyi Irmolohion 1700 roku yak yavyshe muzychnoy kul'tury [L'viv Heirmologion of 1700 as a Phenomenon of Musical Culture]. *KALOFONIA: nauk. zb. z istoriyi cerkovnoyi monodiyi ta gimnografiyi [KALOFONIA: Scientific Journal of the History of the Church Monody and Hymnography]*. L'viv, 2002. № 1. S. 19–24.

7. Dubrovina L. Kodykolohichne doslidzhennia ta arkheohrafichniy opys notoliniynykh Irmoloyiv [Codical Research and Archaeographical Description of the Note-lined Heirmologia]. Korniy L., Dubrovina L. *Bolhars'kyi naspiv z rukopysnykh notoliniynykh irmoloyiv Ukrayiny kintsya XVI — XVII st. [Bulgarian Chant from the Note-linear Heirmologia of Ukraine of the late 16th — 17th Centuries]*. Kyiv, 1998. S. 18–38.

8. Konotop A. V. Suprasl'skiy Irmologion 1638–1639 gg. [The Suprasl' Heirmologion of the 1638–1639]. *Pamyatniki kulturyi. Novyye otkryitiya. Pismennost. Iskusstvo. Arheologiya. Ezhegodnik. 1980 [Monuments of Culture. New Discoveries. Writing. Art. Archeology. Yearbook. 1980]*. Leningrad, 1981. S. 233–240.

9. Konotop A. Suprasl'skiy Irmologion [The Suprasl' Heirmologion]. *Sovetskaya muzyka [Soviet Music]*. 1972. № 2. S. 117–121.

10. Korniy L., Dubrovina L. Bolhars'kyi naspiv z rukopysnykh notoliniynykh irmoloyiv Ukrayiny kintsya XVI — XVII st. [Bulgarian Chant from the Note-lined Heirmologia of Ukraine of the late 16th — 17th centuries]. Kyiv, 1998. 324 s.

11. Frolov S. Mnohorospevnost' kak tipolohicheskoe svoystvo drevnerusskoho pevcheskoho iskusstva [Multichantness as a Typological Property of Old Russian Church-singing Art]. *Problemyi russkoy muzyikalnoy tekstologii [Problems of Russian Musical Textology]*. Leningrad, 1983. S. 12–47.

12. Tsalay-Yakymenko O. Stylistychni naverstvuvannya v ukrayins'komu Irmoloyi [Stylistic Accomplishments in Ukrainian Heirmologion]. *KALOFONIA: nauk. zb. z istoriyi cerkovnoyi monodiyi ta gimnografiyi [KALOFONIA: Scientific Journal of the History of the Church Monody and Hymnography]*. Lviv, 2002. № 1. S. 46–58.

13. Shevchuk E. Grecheskiy raspev [Greek Chant]. *Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]*. Moscow, 2006. Vol. XII. S. 430–436.

14. Shevchuk E. Irmologion [Heirmologion]. *Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]*. Moscow, 2011. Vol. XXVI. S. 625–633.

15. Shevchuk E. Kiyevskiy napev v kontekste mnogoraspevnosti XVII v. [The Kievan Chant in the Context of Multichantness of the 17th Century]. *Traditsionnye muzyikalnyie kulturyi na rubezhe stoletiy: problemy, metody, perspektivy issledovaniya [Traditional Musical Cultures at the Turn of the Century: Problems, Methods, Perspectives of Research]*. Moscow, 2008. S. 403–427.

16. Shevchuk E. Ob atributsii pesnopeniy kiyevskogo rospeva v mnogoraspevnom kontekste ukrainskoy pevcheskoy kul'tury XVII–XVIII vv. [On the Attribution of the Canticles of the Kiev Chant in the «Multichantness» Context of the Ukrainian Church-singing Culture of the 17th–18th Centuries]. *Gimnologiya: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Pamyati protoiereya Dimitriya Razumovskogo» [Hymnology: Materials of the International Scientific Conference «In Memory of Priest Dimitry Razumovsky»]*. Moscow, 2000. Vol. 1. S. 367–376.

17. Shevchuk E. Ob atributsii pesnopeniy kiyevskogo rospeva v mnogoraspevnom kontekste ukrainskoy pevcheskoy kul'tury XVII–XVIII vv. [On the Attribution of the Canticles of the Kiev Chant in the «Multichantness» Context of the Ukrainian Church-singing Culture of the 17th — 18th Centuries]. *Ky'yivs'ke muzy'koznavstvo [Kyiv Musicology]*. Kyiv, 1998. S. 14–27.

18. Shevchuk E. Protoiyerey Ioann Voznesenskiy o repertuare ukrainskikh notolineynykh Irmologionov XVII — nachala XVIII vv. (svoemennyy kommentariy) [Priest Ioann Voznesenskiy on the Repertoire of the Ukrainian Note-lined Heirmologia of the 17th — early 18th Centuries (Modern Commentary)]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya V: Muzyikalnoe iskusstvo hristianskogo mira [Herald of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series V: The Musical Art of the Christian World]*. Moscow, 2007. Vol. 1(3). S. 105–120.

19. Shevchuk E. Serbskiy napev v kontekste yuzhnoslavyanskoho vliyaniya (po materialam ukrainskikh i belorusskikh Irmologionov XVII v.) [Serbian chant in the context of the South Slavic Influence (Based on the Materials of Ukrainian and Byelorussian Heirmologia of the 17th century)]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya V: Muzyikalnoe iskusstvo hristianskogo mira [Herald of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series V: The Musical Art of the Christian World]*. Moscow, 2008. Vol. 2(4). S. 23–54.

20. Shevchuk O. Kyivys'kyi naspiv u konteksti tserkovno-monodychnoho spivu Ukrainy ta Bilorusiyi XVII — XVIII st. (dzherela, zhanry, rysy stylistyky): avtoref. dys. ... kand. myst. [Kyiv Chant in the Context of Church-monody Singing of Ukraine and Belarus in the 17th–18th Centuries (Sources, Genres, Features of Stylistics): abstract of Ph.D. thesis]. Kyiv, 1999. 20 s.

21. Shevchuk O. Serbs'ki i bolhars'ki redaktsiyi pivdennoslov'yanskykh pisnespiviv v ukrayins'kiy i bilorus'kiy tserkovno-spivats'kiy praktytsi 17 st. [Serbian and Bulgarian Editions of the South Slavic Canticles in the Ukrainian and Belarusian Church-singing Practice of the 17th Century]. *Naukovy'j visny'k Nacional'noyi muzy'chnoyi akademiyi Ukrainy' im. P. I. Chajkovs'kogo [Scientific Herald of the Tchaikovsky National Music Academy of Ukraine]*. Kyiv, 2008. Vol. 78. S. 105–125.

22. Yasynovs'kyi Yu. Ukrayins'kyi notoliniyny irmoloy yak typ himnografichnoho zbirnyka: zmist, struktura [Ukrainian Note-Lined Heirmologion as a Type of the Hymnography Collection (Contents, Structure)]. *Zapysky Naukovogo Tovary'stva imeni T. Shevchenka [Memoirs of the T. Shevchenko Scientific Society]*. Vol. 226. L'viv, 1993. S. 41–56.

23. Yasynovs'kyi Yu. Ukrayins'ki ta bilorus'ki notoliniyny irmoloyi XVI–XVIII stolit': Kataloh i kodykologichno-paleografichne doslidzhennya [Ukrainian and Byelorussian Note-Lined Heirmologia of the 16th–18th Centuries: Catalog and Codicologic-palaeographic Research]. L'viv, 1996, 624 s.

24. Jasinovskiy J., Lutzka K. Das Lemberger Irmologion: Die älteste liturgische Musikhandschrift mit Fünfliniennotation aus dem Ende des 16. Jahrhunderts. Köln, Weimar, Wien, 2008. XVI + 510 s.

Шевчук Олена Юріївна

Цикли літургії в українських Ірмологіонах кінця XVI — XVIII століть із позицій текстології

Цикли Літургії — найважливішої християнської служби, наявної у складі українських Ірмологіонів (збірників монодійних піснеспівів кінця XVI — XVIII ст.),

охарактеризовано з позицій текстології. Зіставлення різночасових екземплярів півчих книг різного територіального походження дозволяє встановити принципи фіксації літургійних циклів в Ірмолоях та особливості їхнього складу. Різні міри повноти змісту письмових версій Літургії виявлено в існуванні двох її редакцій — короткої і розширеної. Порівняно з короткою, розширена доповнюється або рідко фіксованими піснеспівами, або додатковими мелодіями на основні тексти короткої редакції. В Ірмолоях часто наявні групи різних наспівів на один текст, що підтверджує значну роль багатонаспівності (можливість виконання одного гімнографічного тексту з різними церковними наспівами) у формуванні стильового вигляду української церковно-монодійної традиції кінця XVI — XVIII ст. Натомість рідкісна фіксація деяких піснеспівів (у тому числі в єдиній версії) доводить їхнє усне побутування й передання.

Ключові слова: літургія, співацький цикл, Ірмологіон, редакція, київський наспів, болгарський наспів, багатонаспівність.

Olena Shevchuk

The Cycles of Liturgy in the Ukrainian Heirmologia of the late 16th — 17th Centuries from the Position of Textual Criticism

The cycles of liturgy, the most important Christian Service, cited in Ukrainian Heirmologia (collections of monophonic canticles of the late 16th — 17th centuries) are considered by the author in the aspect of textual criticism. Comparison of chant books of different time and territorial origin allows to discover the principles of fixation of liturgy cycles in Heirmologia and peculiarities of their composition. The differences in the completeness of written liturgy versions' contents are manifested in the existence of its two editions — brief and extended. The extended one, compared with the brief, is complemented by either rarely written canticles or additional melodies on the main texts of brief cycle. Frequently used in Heirmologia groups of tunes assigned for one text confirm the role of 'mnogoraspevnost' (literally, 'multichantness' — the possibility to perform one hymnographic text with different church melodies) in the formation of the style image of the Ukrainian ecclesiastic monody tradition of the late 16th — 18th centuries. Rare writing of other liturgy canticles (even a single versions) proves their oral existence.

Keywords: Liturgy, chant cycle, Heirmologion, edition, Kievan chant, Bulgarian chant, 'multichantness'.